

84(2=632.16

УДК

**БОРИС
УКАЧИН**

**Я ЖДУ
УЛЕТЕВШЕГО
ЛЕБЕДЯ**



КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

3 ГМО Т. I млн. 3. 2146—

БОРИС УКАЧИН



**Я ЖДУ
УЛЕТЕВШЕГО
ЛЕБЕДЯ**

КНИГА БАЛЛАД

Перевод с алтайского

Издательство „Детская литература“
Москва 1971

84(2=632.1/6-5

С (Алт)

У-435

Эту книгу написал молодой алтайский поэт Борис Укачин. Укачину 30 лет. Четыре года он проучился в Москве, в Литературном институте имени А. М. Горького, а всю остальную жизнь провел у себя на родине в Горном Алтае — краю охотников, оленеводов и пастухов.

Алтайцы — один из самых маленьких народов нашей страны. Их всего 50 тысяч. Они очень любят свою поросшую высокими лесами гористую родину, свои переполненные зверьем чащи, высокое синее небо над горными хребтами.

Любовь к Родине — и к Горному Алтаю, и к Москве, и ко всему Советскому Союзу — пронизывает книгу Укачина. Путешествуя по ее страницам, мы сторожим стада, пасем табуны, охотимся на хищников, ждем врачей на далекой горной стоянке, участвуем в скачках и Дне пастуха — празднике алтайцев. Мы вместе с Укачиным и его сверстниками уезжаем учиться в московские институты и потом возвращаемся в родимый край.

Укачин пишет звучными, сильными стихами. Их отличает живая непосредственность и красочность.

Перевел с алтайского

Борис Слуцкий



Рисунки М. АСЛАНОВОЙ

5-УБЧ-ЯЖУЛ



Эту ночь я проспал

высоко в облаках.

Мое ложе — гора.

Грудь мою

переполнили

ветры тайги.

До утра,

До утра

шелестела трава о себе

и деревья рассказывали о себе,

о звериных делах и о птичьих делах.

До утра

сказки сказывались,

до утра...

Эту сказку нигде никогда не слыхала еще детвора.

Где-то рядом мой конь

до утра хрумкал травы свои,

И уздечка его

мне отделкой напомнила

спинку змеи.

Выли волки в округе,
но я беспечально заснул,
Потому что великие горы
не снимали всю ночь караул.
Никогда я так долго не спал
и так сладко не спал,
Никогда таким легким себя я не знал,
таким бодрым не знал.
Голубой парус неба
раздулся во всю широту.
Я прошелся, размялся,
позвонки ломая хребту.
Подо мною внизу,
далеко-далеко от меня,
Юным небом умылись
молоденькие зелены.
По логом и оврагам,
а их без числа на Алтае,
Пробирались бесчисленные реки Алтая,
шумя и болтая,
Шумным стадом спускались,
синели, как вены.
В этот миг возросли мои силы
внезапно, необыкновенно.
Захотелось мне так
рассмеяться,
расхохотаться,
Чтоб гора за горою
качнулись
и стали шататься.
До конца
в ликование
я бы стоял на своем,
Чтобы горные реки
ввысь брызнули
светлым дождем.

Даже солнце,
 зерна счастья
 посеявшее для меня,
Показалось мне птицей,
 очень маленькой,
 слепленной из огня.
И словами поэта
 я крикнул ему
 что есть силы:
— Бейся, красное сердце мое,
 свети, огневое светило!



ЧЕРНЫЙ ЩЕНОК, СТАРИК АТРАШ И Я



I

У меня был маленький черный щенок.

И сам я тогда

был совсем щенком,

Когда мой щенок умер в горах

На дальнем стойбище.

Стонал, как ребенок,

дергался,

Закрыв глаза

и не открыл. . .

Конечно, вы знаете, что пастух

Ставит юрту в гористой тайге,

В такой таинственной глуши,

Что люди редко заходят к нему.

Сын пастуха так одинок!

Не с кем ему

поиграть,

Не с кем ему

поговорить. . .

Вот почему черный щенок

Был единственным другом моим.

День-деньской, сбиваясь с ног,
Мяли таежные травы с ним.
Я по-собачьи, бывало, брехал.
Он по-людски улыбаться мог.
День-деньской не отдышал
Никто из нас:
Ни я, ни щенок.
Были у нас ссоры и свары.
Мы не раз сходились в бою,
Острые зубы в клочья рвали
Старенькую
 овчинную
 шубейку мою.

Щенок рычал,
А я кричал
И от мамы затрешины получал.
Потом на коров мы вместе брехали,
Пугали коров кто как мог.
Коровы в ужасе убегали. . .

Моим единственным другом
 был черный щенок.

На охоту мы тоже ходили вдвоем —
Добывали бурундука.

Вернемся домой и вместе попьем:
Он — молока,
И я — молока.

Однажды старый пьяный Атраш
Заночевал у нас.
В ту пору случилось затмение Луны:
Шайтан утащил куда-то Луну.
Деревья были ошеломлены,
Шепот гор заклинал тишину.

Старый Атраш внезапно вскочил,
Зашептал, забормотал:
— Ложками, чашками надо греметь!



А главное, надо, чтоб лаял пес! —
Потом он руки к небу воздел.
— О великий наш бог Юлгён! — сказал,
В ноги поклонился огню
И замер в молчанье.
Потом Атраш схватил плеть
И начал хлестать щенка.
Черной змеей жалила плеть
Черные бока.
Черной молнией била плеть
В черные бока.
Плеть визжит. Щенок визжит.
Луна из темноты не бежит.
Стонала плеть.
Стонал щенок,
Но вызвать Луну из туч не мог.
Далеко вопли щенка слышны —
Над черной тайгой
Нет белой Луны.
Я плачу, хочу отбить щенка
У старика,
Но тот пинает и топчет щенка,
Избивает его, пока
Щенок устал визжать
И перестал визжать.
Кровь из ушей у него пошла,
И стало щенку невмочь...
Я так и не припомню,
взошла ли Луна



В ту черную ночь.
Когда я проснулся, блистала роса,
Солнце озаряло леса,
Птицы пробовали голоса,
Лист на ветру дрожал.
Только мой черный друг щенок
Не подбежал ко мне,

2

Не смог —
Холодный, в крови, лежал.
Таежная ель хвою свою
Сыпала на него,
А он не пролаял ничего
И не простонал ничего. . .
Я обнял черного щенка
И зарыдал над ним.
Я громко проклинал старика,
Грозил: — Вот стану большим
и отомщу за своего друга! —
Старик понуро вскочил в седло,
И словно ветром его унесло.
А я еще долго лежал ничком
И плакал над черным щенком.

II

Прошли года.
Сквозь их пургу
Пронес я печаль свою.
Но вот на кладбищенском лугу
С земляками стою.
Очень тихо.
Очень холодно.
Очень грустно.



— Атраш большой охотник был. . . —
Шепчутся земляки,
Вспоминают Атрашев ум, и пыл,
И меткость его руки.
А я вспоминаю мясной чад:
Косулю с охоты принес Атраш
И отдал в нашу семью.
Только далекие горы молчат,
Думают думу свою.
«Человек умер!» —

Вот что они думают.
Заступ звякает о гранит,
Земля, ударяясь о гроб, гремит.
Нету звуков иных на земле.
Тихо в маленьком нашем селе:
Человек умер. . .

Но травы весенние, треща,
Об участи будущей не трепеща
И в почве ходы прорыв,
Продолжают прорыв
К солнцу.

Атраш по звериным следам не пойдет,
И перевалом не перейдет,
И пропастей не обойдет.
Больше он к пастухам не зайдет
Выпить алтайской бражки.
Будет земля себя вращать,
Будет Луна ее освещать,
Матери будут детей качать.
И много, много раз Луна
Будет затмением затемнена,
А старик Атраш

никогда больше

Не испугается затмения.
Если дальше вдаль загляну —
Внук его сможет слетать на Луну,
Но не узнает об этом Атраш
И не обрадуется Атраш,
Потому что у мертвых не бывает радости.
Если бы он был жив и здоров,
Я бы на кладбище не пошел,
Я бы в гости к нему пошел,
Я бы сел с Атрашем за стол,
И мне никогда бы не вспомнились
Черная ночь
И черный щенок.



МЫЧИТ БЕЛАЯ КОРОВА



Слышу мычание — и год забытый
Шевелится в моем теле.
Ползут ко мне с зеленых джейлау¹
Тягучие песни старухи Янчй.
... Белая корова, да, белая корова
Тогда гремела над всем Алтаем.
У нее умер белый теленок.
Вымя струило белое молоко.
Несчастливая корова рыдала...
Старуха Янчи сделала чучело,
Положила перед коровой,
Стояла молча и смотрела.
Белая корова, не уставая,
Гремела над всем Алтаем.
Вдруг она понюхала чучело
И начала лизать и лелеять
Белое чучело, как живое.
Старуха Янчи подсела к корове
И запела...
Струя песни, густой, тягучей,
Ударила в землю.

¹ Д ж е й л а у — горные пастбища.

Может быть, старуха хотела
Смягчить горе коровы?
Может быть, она изливала свое горе?
Откуда понять мне, мальчишке?
Когда мычала белая корова,
Черное горе рычало над миром —
Такое тяжелое, что согнулись
Плечи земли под этим грузом.
Люди говорили,
Что сыновья старухи
Далеко-далеко, в какой-то «Войне»,
Кровавом краю.
А где этот край,
Откуда понять мне, мальчишке?
Песню, похожую на рыданье,
Запевает старуха,
Только сядет к своей корове.
Мычит белая, белая корова,
А красный, красный закат вечерний
Дрожит, качается от мычанья.
«Если сыны мои будут живы, —
Запевает старуха, —
Будущей весной они вернутся,
Когда золотыми голосами
Кукушки запоют над весною».
... Много раз прилетали кукушки
И на ветвях качались.
Много раз уходило лето.
Но из кровавой страны «Война»
Не возвратились сыновья старухи...
Слышу мычанье — и год забытый
Шевелится в моем теле,
И давние песни старухи
Проплывают сквозь долгие годы,
Звенят печально и горько
И до меня доплывают.





Вечером не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Детям будет страшно,
Будут плакать всю ночь.
Зимою не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Мерзлую, твердую землю
Тяжко долбить, невмочь.

Утром не умирайте,
Люди, прошу я вас:
Как же так — вы уйдете,
А солнце взойдет без вас.
Утро — начало дела.
Утро — начало пути.
Как, не закончив работы,
Сможете вы уйти!

Не умирайте, люди, утром, пожалуйста!
И вообще
Никогда,
Никогда не умирайте, люди!



Рассказ

В моей деревне жил старик.
Сколько помню себя, он был стариком,
Седым, как дым,
И я постепенно к мысли привык
(А также все, кто был с ним знаком),
Что он и не был молодым,
Всегда был стариком. . .

Он совсем не умел читать
И даже до десяти
— считать,

Но вся округа,
весь район

Уважали его весь век
И были уверены, что он —
Удивительный человек.

Сколько в точности лет ему,
Было не ведомо никому,
Да он и сам не знал.

Говорил,
что родился
в год Кабана,
А когда он был,
этот год Кабана,
Никто не знал.

Он любил коней,
И знал коней,
И рассудил,
что ему верней
И солнечным летом,
И в зимней мгле
Как можно реже
бывать на селе,
Что лучше ему
проживать в горах
При больших табунах.

Конечно, старик не бывал в Москве,
Но верил всей душой,
Что Москва — это тоже Алтай,
Только самый большой.
Конечно, Ленина не видел он
Ни разу,

но был убежден,
Что, если объехать
весь белый свет,
Умнее Ленина человека нет,
И старше — тоже нет.
Конечно, счет не дался ему,
Старику,

но даже в зимнюю тьму
Не пропадала ни одна
Лошадь
из табуна.



Сколько бы старый ни валил
Кедровых шишек в мешок —
Поровну между внучат делил
И ошибиться не мог.

... Там, где вершина Маргалу,
Растет мохнатый кедр,
А под кедром стоял шалаш —
Он стоит и сейчас.
Прошлым летом в том шалаше
Умер добрый дед.
Одиноко, без друзей,
Встретил смертный час.

Нет,
не так!
Его охраняли кедры гордые,
Шептались о нем
с Алтаем родным.

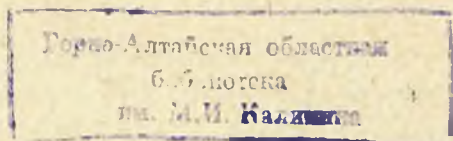
Любимый конь
угрюмую морду
В тоске и печали
склонил над ним.
Как будто бы ничего не случилось,
Птицы

продолжали свой разговор.
Как будто бы ничего не случилось,
Ручьи звенели с гор.

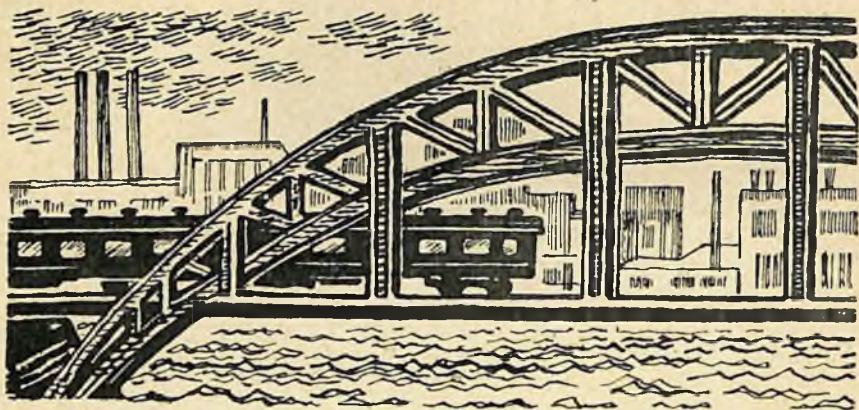
Быть может, и в самом деле
Не произошла беда
И старик заснул в постели,
Как засыпал всегда,
Как сто лет назад,
Как пятьдесят, —
Старики ведь крепко спят.



Быть может, заржет кобыла,
Отставшая от табуна,
И старик, как прежде было,
Восстанет ото сна,
Поедет по перевалам,
Чтобы эту кобылу найти,
Как будто не умирал он,
Как будто не кончил пути.



16428/



Годы долгие дома родимого я не видал,
Но разбужено сонное сердце мое по весне.
Поезда отбывают в вечерний закат или в дымную даль,
За собою зовут.
Их гудки отдаются тревогой и болью во мне.

Надоело мне слушать веселенький перестук
И внимать на асфальте девичьему каблуку.
Я хочу услышать, как дрожит под кукушкою сук
И гора зеленеет,
Леса зеленеют,
Алтай зеленеет
от такого «ку-ку».

Добрым пахарем я согласился немедля бы стать,
На рассвете по пашне идущим с прохладой в груди,
Или птицей безвестной, но не устающей свистать
На тончайшей из веток
лесной тишины посреди.

И когда сквозь толпу в городское ущелье иду,
И дома, словно скалы, теснятся,
мрачны и тихи,
Я кажусь себе мальчиком
в девятьсот далеком году.

в девятьсот далеком году.

Погрузив свою кладь,
Позабыв меня взять,
На джейлау ушли пастухи.

Слишком долго я не был в местах, где родился и рос.
Но табунными гулами земли гудят,

и заржала весна,

И, проклянув асфальт,
задаёт мне вопрос:

задает мне вопрос:

— Ты откуда?

Послушай, откуда же ты?..

Поезда отбывают. Трясутся под ними мосты.





МОЯ РОДИНА

Откуда я родом?

Из весны.

Поля распарены, утомлены.

Пар валит со спины

Земли.

Каждый росток, корешок,

Как жила — кровь,

набирает сок.

Набрали — и вверх пошли.

Слабенькая — едва жива — трава

Пробьется на белый свет.

Ее потрясает небес синева,

Ей солнце пошлет привет.

Кудрявые ягнята,

Длинноногие жеребята

По-своему тоже очень рады:

Делают первые в жизни шаги.

Можно всегда заржать: «Помоги!»

Или проблеять: «Помоги!»

Озабоченные матери рядом,

На сочной траве, под солнечным взглядом.

Солнце светит.

Травы сочны.
Откуда я родом?
Из весны.

Нет,
я все-таки родом из лета.
Скот благоденствует,
Люди довольны:
Знают, кормов будет довольно
И скоту на джейлау привольно.
Овца блеет.
Гора зеленеет.
Конь ржет.
Солнце жжет.
А люди поют песни.
На дальних стоянках — запах молока
И чуть заметный дух кизяка.
Огромные чаши с айраном¹ стоят,
Щемящие запахи трав таят.
Конечно, моя родина — это
Такое вот лето! . .

И все-таки родом я из осени.
Навьюченные грузовики
медленным цугом

Двигутся друг за другом.
Тракт, как пояс, стянул хребты.
По кольцам тракта
вдоль высоты

Машины
С утра до утра сигналият.
Отдыха
шоферы
не знают.



¹ Айран — квашеное молоко.

Уже в осенних ливнях
Тоскуют о лете лога,
И кое-где в долинах
Чернеют стога.
Пастухи, оседлав лошадей,
Посадив

за спину

своих детей,

Спускаются с гор,
Переваливают перевалы,
Белопенные реки переходят вброд.
Это путешествие их приведет
В деревню.

Пастух сыновей в школу сдает
И тем же путем домой идет.
На новых кошмах возле юрт
Сидит деревенских старушек гурт.
Провожают журавлиный косяк,
Слабыми руками машут вслед,
Кричат:

— Элём-селём!

Элем-селем! —

И обсуждают так и сяк,
Что бабьего лета больше нет,
Прошло совсем,
Ушло совсем,
Осталось за дальним поворотом...
Конечно,

я из осени родом!

Нет, только зима, она одна —
Родина.
Травы спят.
Необычайно сини небеса,
А горы белы с вершин до пят.
Горы белы, а поля белей.



Следы зверей видны вдалеке:
Сказки зверей,
Ногами зверей
Написанные на зверином языке.
С кручи вниз мимо меня
Мчится лыжня.
Куда, интересно, мчится она?
У белой горы
Белая спина.
На ней растянулась тишина
И заснула.
Если закашляюсь,
Если чихну,
Обязательно вспугну тишину.
Но пока она висит на ветвях,
В снегах ее жилье.
Слышишь ее вздох,
Ее шорох,
Звяк,
Неслышимость ее...
Даже выстрел ее не разбудит,
Не вытащит из-под сна:
Кажется, была, есть и будет
Одна тишина.
Только с кручи вниз мимо меня
Летит лыжня.
А рядом — вторая лыжня.
Лети же и скорость набирай!
Только зима — мой родимый край!

Моя родина — мои шаги
От зимы до зимы,
От весны до весны.
Моя родина — мои стихи.
Читайте,
Вот они.





Интересно, растут ли спящие дети
Этой ночью весенней?
Интересно, стареют ли бессонные старцы
Этой ночью весенней?

Стройплощадки задремали в тишине,
И айлы утонули в черном сне,
И дороги заснули и шоссе,
Овцы тоже задремали все.

Но река не прервала пути,
И деревья продолжают расти,
Дети тоже продолжают расти,
А цветы — цвести
Этой ночью, теплой, весенней.

Ясно всё насчет цветов, шоссе, реки.
Но стареют ли ночами старики?

ДЕНЬ ПАСТУХА



О черк

Сегодня ликует
 далекий аймак!
Оттуда,
 где осенью
 буйно маралы трубят,
Сегодня
 спускаются парни
 на лютых конях,
И запахи солнца и сена
 исходят от этих ребят.
И девушки едут,
 как летние звезды
 юны,
А бронзоволицые парни,
 как снежные барсы,
 сильны.
Без счета
 подковок
 они истоптали стальных,

Сапог

износили за лето они

без числа...

И вот они едут, омытые в тех родниках ледяных,

В которых зимой

по ночам

омывают планеты

тела.

Они понимают

язык и обычаи скал,

Они вам расскажут природу,

предскажут погоду,

И каждый из них, кто траву

посочней и погуще

под небом искал

И облачный клоч

за собою таскал,

Сюда не спускался по году.

Сегодня их праздник!

Сегодня им честь воздадим!

Но вот они едут!

Скорее дорогу дадим,

За стол пастухов

на почетное место усадим

И рядышком сядем.

И вот уже древние,

словно земля,

старики

Шумят и галдят

наподобие горной реки:

— Наш колхоз победит!

— Нет, наш!

— У нашего колхоза аргамäки лучше!

И, сбросивши шапки из облака,

дальние горы

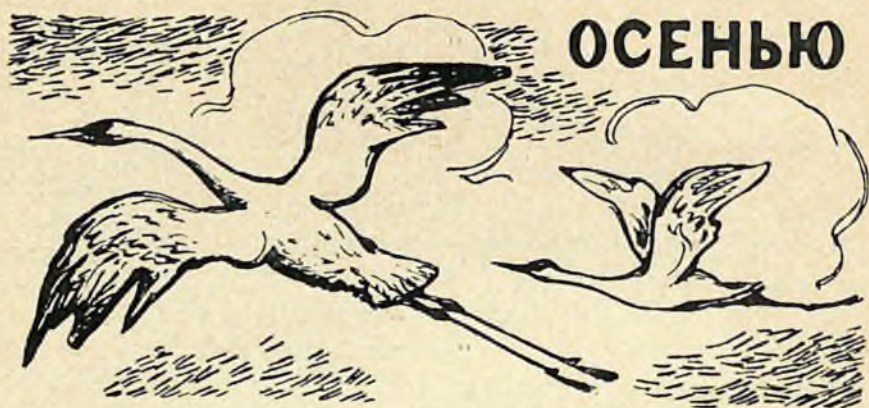
Внимательно слушают те разговоры.



А рядом
шумят силачи,
не стихает игра,
И рвется,
треща под ногами,
земная кора!
А вот автолавки в людском окружении,
И деньги шуршат,
словно листья осенние
или травы весенние.



Идет состязанье острот:
изощряются острияки;
Чей старше рождения год,
состязаются старики,
А также —
кто больше кумыса выпьет
И в цель
кто больше выбьет.
День пастуха,
День пастуха,
Веселый праздник — День пастуха:
Песни, и скачки, и разговоры...
Пели и пили парни с гор,
С восхода солнца
им снова в горы.
... Сегодня от имени всех,
кто в степях, в горах, в лесах,
Прошу товарищей тех,
кто работает в календарях:
Пусть трудовые братья,
праздники труда и веселья,
Примут в свои объятия,
справят новоселье
Нового праздника — Дня пастуха!



Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится
 колышка вокруг.
Крыльями сшибая облака,
Журавли кричат,
Летят на юг.
Конь услышал журавлиный крик
И остановил свой бег на миг.
Может, вспомнил косяки в горах
И травы не рвет,
Грустит о них?

Почему он замедляет бег?
Почему он ржет, когда вдали
Крыльями замашут журавли?
Может, он грустит, как человек?

Слышу топот белого конька:
Скачет, мчится, травы шевеля.
Под его копытами,
 легка,
Вкруг оси вращается Земля.

Прежде чем с кола сорвется конь,
Журавли далёко улетят.
Прежде чем Земля сойдет с оси,
Далеко уйдет наш род людской.

Останавливает конь свой бег
И не кружится вокруг кола:
До него,
До гор,
До дол —
До всех
Музыка осенняя дошла.
Тайна осени,
Ее напев,
Музыка осенняя дошла.
Останавливается, присмирив,
А потом — опять вокруг кола
Белый конь.
Над нами журавли
Боль свою несут, роняют крик.
Может, с ними улетит конек?
Может, просто провожает их?





Рассказ охотника

Осень. Ночь.

В горных высях воздух чист.
Первый снег, тихо кружась,
Падает, как бабочки, в костер.
Я и охотник Амыр,
Расстелив потники,
Лежим у костра, греем бока.

Костер трещит. Скалы во тьме
Похожи на спящих сов...
О чем задумался Амыр?
Молчит, хотя не спит.
Где завтра охотиться будем мы?
Каких зверей увидим следы?
Ведь белки в теплых дуплах своих
Заснули крепким сном.

Осень. Ночь.

Давно я в этих горах не бывал.
Давно под открытым небом,
Под звездами не ночевал.

Вдруг
Дрогнула тьма.
Вскочил Амыр, и я на ногах!
В протяжной темноте дерев
Послышался чей-то рев.
Бой идет.
Во тьме рычат.
Кустарники трещат.
Выстрела внезапный гром.
Это — Амыр. Потом — тишина.
Только тихий, тихий снег...
На осеннюю черноту
Падает первая белизна.

Амыр уселся на потник,
Поправляет костер головней.
Говорит:
— Да что ты дрожишь, словно
тальник?
До сих пор не привык к тайге?
У тайги своя жизнь и свой закон.
Ты в тайге! —
Говорит мне он.

Утро. Белая тишина.
Белым-бело.
Плечи гор замело.
Деревья стряхивают снег.
Под согбенным тальником
Следы убегают вкось.

Мы чай вскипятили.
Мы выпили чай.
Мы оседлали коней.
— Что же было? —





ЗАКОН ТАЙГИ

Рассказ охотника

Осень. Ночь.
В горных высях воздух чист.
Первый снег, тихо кружась,
Падает, как бабочки, в костер.
Я и охотник Амыр,
Расстелив потники,
Лежим у костра, греем бока.

Костер трещит. Скалы во тьме
Похожи на спящих сов...
О чем задумался Амыр?
Молчит, хотя не спит.
Где завтра охотиться будем мы?
Каких зверей увидим следы?
Ведь белки в теплых дуплах своих
Заснули крепким сном.

Осень. Ночь.
Давно я в этих горах не бывал.
Давно под открытым небом,
Под звездами не ночевал.

Невзначай
Спрашиваю у него. —
Скажи, почему фыркает конь
И в сторону берет?
Амыр камчой стегает коня,
Заставляет идти вперед.
Почему?
Почему на белом снегу
Красный, кровавый снег?
Красный снег на белом снегу.
На красном снегу — марал.
Кто же его растерзал, разодрал,
Я понять не могу.
Жалко. Жалко красавца гор.
Наверное, мирно дремал.
— Это снежный барс лапу простер, —
Амыр мне отвечал.

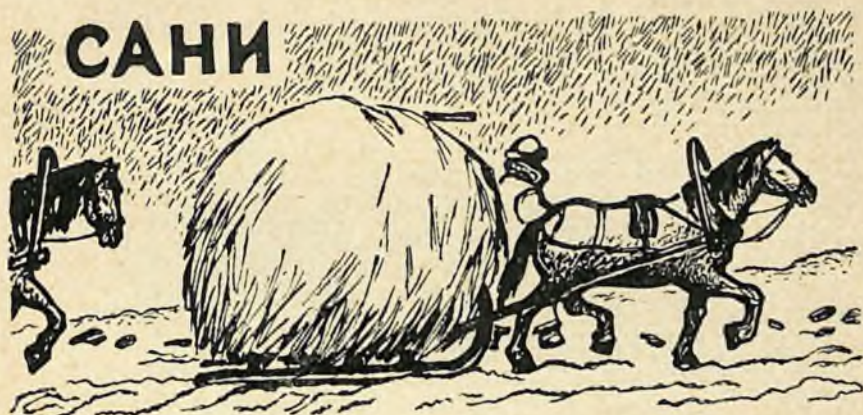
Таков кровавый закон тайги.
Его — не отменить!

Потом Амыр на меня поглядел.
Вздыхнул,
Задумался он.
— Не только диких зверей удел
Этот кровавый закон.

Стояла жуткая тишина.
Белый снег. Красный снег.
Была у Амыра нога одна,
Такая, как у всех,
И деревяшка вместо другой —
Фашизм отгрыз в войну.

Шапку поправляя рукой,
Слушал я тишину.





Трещит мороз, скрипят снега,
Звещающим ветром ночь замело.
Люди починают стога.
Саням от сена — ох! — тяжело.

В теплой кошаре спит овца.
Ей снится сон про корма.
Поэтому сани идут без конца,
Как ни скрипит зима.
Подковы звенят, стучат, гремят
По льду. Снега все белей.
Сена сладостный аромат
Вдыхают ноздри полей.

Вот в такой морозный день
На снежной целине
Далеко слышны голоса
В безлюдной тишине.
Кто-то на передних санях
Песню затянул.
Звон высоких синих небес
К этой песне примкнул.

Сверкающий след вдоль зимы лежит.
Луна по санному следу бежит.
Санный поезд снега ворошит,
Шурша,
Подъем берет,
И вместе с ним моя душа
Спешит вперед.



Я ЖДУ УЛЕТЕВШЕГО БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ



Жеребцы на черте.

Одномастные. Без пятна.

В напряженье орлином.

То касаясь, то не касаясь земли,

они мечут шаги.

А на солнце блестят,

будто смазанные бриолином!

Ждут начала байги¹.

... Выстрел их, словно стрелы, спустил.

Он гремит,

А они полетели,

облака из ноздрей

испуская

И звезду за звездой

ударом копыт

Из камней

высекая.

Я догнал их глазами,

Вослед им смотрю,

и в груди

¹ Байга — скачки.

Сердце юное

в такт их копытному стуку

колотится.

В мыслях я вместе с ними

лечу впереди, впереди,

Кровь крутым кипятком

в каждой жилочке

хороводится.

За четверкою черных лошадей

Вижу:

четверо белых лебедей

Пролетают на небосклоне.

За четверкою лошадей скачу,

За четверкою лебедей лечу.

Что за лебеди!

Что за кони!

Не четыре лебедя в облаках,

А четыре всадника

ветер сбивают.

И белей не бывает их белых рубах,

Лебединей рубах —

не бывает.

Тем алтайским парням

гляжу я вослед.

Каждому — шестнадцать лет.

Ни один

не знает

слова «страх».

Все решили выиграть

скачки в горах...

Далеко-далеко

они ушли —

К горизонту, где небо коснулось земли.





Черные кони,
как черные грачи,
а потом почти
как черные точки.

А белые лебеди
как снежинки почти,
как маленькие белые комочки.

... Вдруг как будто черный враг
выстрелил из-за угла и попал.

Упал черный грач.
Черный конь упал.

Застонала земля под ним,
охнула.

Что-то в моей груди лопнуло.

Что случилось с тобою?
Где ты, мой брат?

Только что в ушах твоих ветер свистел.

Только что сам черт тебе был не брат —

Из седла вылетел,
далеко отлетел.

Далеко отлетел
и свое отлетал...

Черный конь над тобою встал,

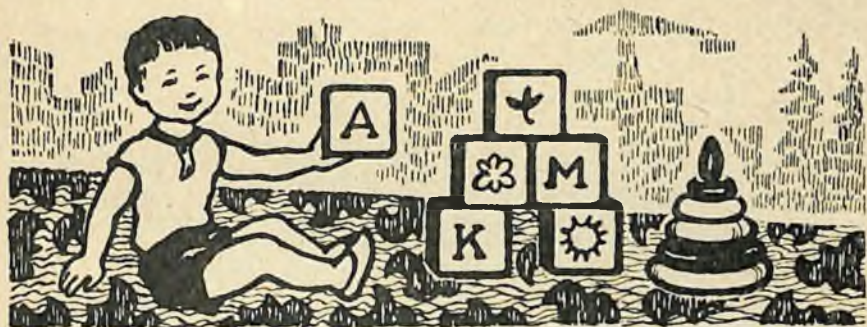
Землю нюхает,
фыркает, ржет над тобой,

Над тобой, белым лебедем,
белым лебедем,
бороздившим небосклон голубой.

Как шатается небо
над твоими глазами!
Белый свет
из тебя вытекает
со скупыми твоими слезами.
Все мне чудится: ты не остался
на черной земле,
на зеленой траве,
А, крылами взмахнув,
белым лебедем,
белым лебедем,
исчез в синеве.
Белый лебедь,
шестнадцать в тот год тебе было, когда
Приключилась беда.
И шестнадцать прошло,
и, не веря в беду,
До сих пор тебя жду,
белый лебедь,
белый лебедь,
белый лебедь,
Когда же вернешься ты,
мой ровесник и брат,
белый лебедь,
белый лебедь? . .



СЫН УЧИТСЯ ГОВОРИТЬ



Со дня рожденья
До смертного часа
Человек учится на человека:
Падает, как человек,
Встает, как человек,
И вновь шагает по земле — человеком.

Все его движенья,
Все труды и дни —
Для того, чтобы стать человеком:
По-человечески улыбаться,
По-человечески плакать.

Чтобы стать человеком,
Большим, настоящим человеком,
Мой сын-несмышлениш
Учится говорить.

- Скажи, сынок, «папа».
- Скажи, сынок, «мама».
- Скажи: «Я не зверь».
- Скажи: «Я человек!»

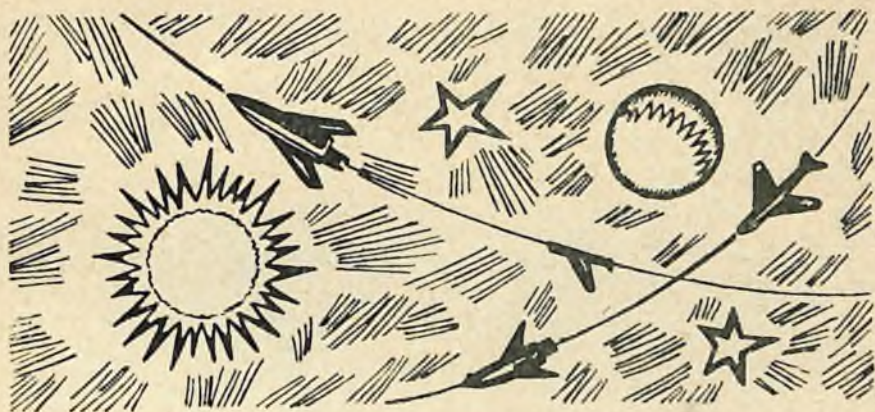
Мой сын роется в песке,
Чтобы стать человеком.
А мой друг роется в бумагах
И копается в звездах,
Чтобы стать доктором наук.

У маленького сына
И у ученого друга
Очень похожая работа:
Сын учится распознавать
Запахи цветов и хлеба,
Друг учится слушать
Голоса далеких планет.

Со дня рожденья
И до смертного часа
Человек учится на человека —
У чужих людей
И у своего времени.

Потому-то так похожи
Труды моего смышленного друга
И труды моего несмышленыша-сына:
Оба они без усталости
Что-то для себя
открывают и открывают.





Мама, у каждого человека,
Кроме родной страны,
Есть родная эпоха.
В эпоху великих войн
Среди солдат рождаются великие
полководцы.

А когда люди
Покорствуют природе
Или горят в пожаре любви
И томятся от любовного яда,
Из них иногда выходят поэты.

Мама, время
Делает человека человеком,
Шлифует его характер.
В моем сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Поэтому я
То нежен,
То нервен.

Мама, у меня и во дворе и в сердце
Сложнейший из веков: двадцатый.
Как же мне не шагать с ним в ногу?
Как же мне не дышать его ветром?
Мама, человека лепит время. . .



ПУСТЬ Я СЫН НЕБОЛЬШОГО НАРОДА



Во мне угнездилась большая тоска.

Горечь горькую я таскал.

Потому что я сын

маленького народа.

Думалось: переплыву океан,

Прорвусь сквозь волны, ревущие в нем,

Прибуду в чужие города,

Чьи окна залили полмира огнем,

А там посмеются,

а там попрекнут,

При встрече смеряют взглядом косым

Или обидным словом кольнут:

«Ты маленького народа сын,

Зажатого,

затерянного в горах! . . .»

Сегодня я победил этот страх,

С этого дня

Печаль не мучит меня.

Я не смущаюсь,

наоборот,

Горжусь тобой,

Мой маленький, черноголовый народ.

С высоко поднятой головой,
Нации своей не стыдись,
прохожу.

А почему? Сейчас расскажу.
Слушайте, люди!
Сколько алтайцев?

Пятьдесят тысяч.
Мало? Мало, что ни говори,
Но не так уж мало, в конце концов!
Свои у алтайцев богатыри.
Своих среди нас найдешь мудрецов.
А тот, кто сегодня не найдет,
К нам завтра
за мыслью и мощью
придет!

Алтайские девчата,
алтайские ребята!
К вам обращаюсь,
вам говорю:
Чтобы невидимое увидеть,
Чтобы неслышимое услышать,
Головы выше,
смелее держайте,
Молнией мысли
мир освещайте!

Если, земляк, есть у тебя — пусть небольшой — талант,
Можешь умножить его стократ, тысячекрат
В дальних дорогах,
в исканьях больших,
В шелесте многих
трудных книг.
Только не экономь труды,
только не бойся беды.
Чтоб не было вовсе страшно тебе,
чтоб ты сражаться мог,
Черт ли выйдет из-под земли,



С неба ли спустится бог!
А если побежденным падешь
на родимую землю свою,
Люди скажут:
он погиб,
но он погиб в бою.
Знаю попытку — и не одну —
лодочников-смельчаков
Переплыть громыхающие моря.
В синих морях шли ко дну,
зеленых не увидав берегов,
но погибали не зря.
И сын простого рыбака
море преодолел на челне,
Чем прославил свой народ
и полюбился мне.
Пусть малой пташкой
родился ты
в тиши горных хребтов —
Стать как Керееде¹,
величайшей из птиц,
ты должен быть готов,
Чтобы врезаться
в скопление звезд,
в глубины земных пластов.
Если ты просто железный нож
в деревянных ножнах бедняка,
Пусть закаляет тебя огонь,
остужает тебя река.
Десятикратно охлаждена
и столько же раз горяча,
Плоть твоя навсегда обретет
силу и прочность меча...
Мир!
Слушай меня и ликуй:

¹ Керееде — сказочная птица.

СОДЕРЖАНИЕ

Свети	3
Черный щенок, старик Атраш и я	6
Мычит белая корова	11
«Вечером не умирайте...»	13
Жил-был старик (Рассказ)	14
«Годы долгие дома родимого я не видал...»	18
Моя родина	20
Весенняя ночь	24
День пастуха (Очерк)	25
Осенью	28
Закон тайги (Рассказ охотника)	30
Сани	33
Я жду улетевшего белого лебедя	35
Сын учится говорить	39
«Мама, у каждого человека...»	41
Пусть я сын небольшого народа	43

ДЛЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

УКАЧИН БОРИС

Я ЖДУ УЛЕТЕВШЕГО ЛЕБЕДЯ

Книга баллад

Ответственный редактор

А. М. Соломонов.

Художественный редактор

Б. А. Дехтерев.

Технический редактор

Н. Ю. Крапоткина.

Корректор

Е. Б. Кайрукшис.

Сдано в набор 10/XII 1970 г. Подписано
к печати 3/III 1971 г. Формат 60х84^{1/16}.
Печ. л. 3. Усл. печ. л. 2,8 (Уч.-изд. л. 2,51.)
Тираж 50 000 экз. ТП 1971 № 435. А 09211.
Цена 16 коп. на бум. м/мел.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство „Детская литература“
Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР. Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 2 Рос-
главополиграфпрома Комитета по печа-
ти при Совете Министров РСФСР. Ле-
нинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 919.



16 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“